

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Черняк А. Я.

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ДИСКУССИИ

Размышления о взаимодействии библиотечных и библиографических процессов в библиотеке, о перестройке высшего библиотечного образования.

Научный сборник «Советское библиотековедение» в 1988—1989 гг. провел дискуссию по проблемам взаимодействия библиотечных и библиографических процессов в библиотеке. Следует приветствовать это начинание, тем более, что сборник не радовал читателей обилием научных дискуссий. Хотелось бы подчеркнуть: настоящая дискуссия имеет, пожалуй, особое значение. Она вышла за рамки темы, в ней подняты важные глобальные вопросы, в том числе проблемы

высшего библиотечного образования. Дискуссия привлекла крупные научные силы: докторов педагогических наук К. И. Абрамова, М. Г. Вохрышеву, О. П. Коршунова, кандидатов наук И. М. Андрееву, М. Я. Дворкину, Е. Н. Малевича, И. Г. Моргенштерна, О. В. Решетникову, Н. А. Слядневу, В. И. Терешина, Ю. М. Тугова, В. А. Фокеева и других, а также практических работников библиотек (хотя последних не много среди авторов статей). Правда,

удивляет отсутствие ученых Ленинграда, но они еще могут сказать свое слово. Дискуссия способствовала обогащению практики библиотечного дела и подготовки кадров библиотечных работников. Наконец, возьмем на себя смелость выразить надежду, что она, разбудив мысли, может привести к неожиданным теоретическим результатам, но об этом позднее.

На первый взгляд сюжет, «заданность» дискуссии довольно элементарны. Никто не отрицает, что в библиотеке осуществляются и библиотечные и библиографические процессы в тесном взаимодействии, никто не сомневается в том, что библиография является важнейшим средством библиотечной деятельности (это и официально закреплено в названии специальности «Библиотековедение и библиография», впрочем, думается, такое сочетание вряд ли правомерно). Вместе с тем в литературе находим утверждения, объективно снижающие значимость библиографической деятельности в библиотечном процессе. Подобные попытки опираются на измерения, например, удельного веса библиографов в библиотечных коллективах: от 1 : 10 до 1 : 50.

Однако времена меняются и настоящая дискуссия прошла, можно сказать, под знаком наступления сторонников «библиографической» концепции на адептов «библиотечного» подхода. Общий смысл этого наступления состоит в попытках доказать, что библиография есть «сущность и основа библиотечных процессов» [1, с. 27], «библиотекарь в значительной степени занимается библиографической деятельностью» [2, с. 60], «всякая организация чтения обеспечивается библиографическими процессами... библиотечные процессы имеют библиографическое содержание» [3, с. 33] и т. п., как будто подобные позиции воспринимаются как обоснованные. Но это не относится к вышеупомянутому утверждению Н. А. Слядневой [1, с. 27] о том, что библиография есть сущность библиотечных процессов. Скажем, комплектование библиотечного фонда ведется в той или иной мере на библиографической основе, но библиография никак не является сущностью комплектования — процесса создания и развития библиотечного фонда — тем более, что библиография вовсе не может быть единственной основой этого процесса.

Но послушаем другую сторону. Степень убедительности сторонников «библиотечной» концепции разная. Так, М. Я. Дворкина, не отрицая того, что библиография является важнейшим средством библиотечной деятельности, делит всех работников библиотеки

на библиографов и неблиографов и считает задачей библиографов библиографическое обеспечение библиотечных процессов [4, с. 44]. Ясно, что это высказывание находится в стороне от основного руслу дискуссии о «библиотечном» и «библиографическом» в библиотеке. Довольно серьезно выглядит позиция В. И. Терешина. Если библиотечные процессы не существуют, рассуждает он по поводу статьи Н. А. Слядневой [1], а есть процессы библиографические, то «не следует ли отсюда, что и нет и библиотеки как таковой, — есть, так сказать, библиографотека» [5, с. 59]. Конечно, автора можно обвинить в том, что он весьма прямолинеен, искусственно заостряет постановку вопроса и формулирует почти софизм, но ведь и от проблемы не уйти...

Видимо, подобные вопросы задавали себе участники дискуссии. Не случайно даже самые отчаянные «библиографы» (кроме, может быть, Н. А. Слядневой) ищут различия между библиотечными и библиографическими процессами, ищут и не очень-то находят. Не убедителен прежде всего сам застрельщик дискуссии Ю. М. Тугов в попытках найти разницу между библиотекарем и библиографом [3] (кстати, искать отличия нужно между «библиографическим» и «библиотечным»). М. Г. Вохрышева считает, что «методы библиотечной деятельности можно рассматривать как совокупность приемов, направленных на удовлетворение общественных потребностей в документах, библиографической — как совокупность приемов, обеспечивающих удовлетворение общественных потребностей в библиографической информации» [6, с. 42]. Однако не понятно, как это можно удовлетворить общественные потребности в документах, не прибегая к помощи библиографии, исключить ее из библиотечной деятельности?

Полагаем, что каждый, кто ознакомился с материалами дискуссии, пришел к выводу: она не дала четкого ответа на поставленный вопрос. По нашему твердому убеждению, в смысле итога дискуссия была обречена изначально: она велась в слишком узком контексте, библиотека рассматривалась как замкнутое, самодовлеющее учреждение, а библиография — как единственный источник знаний о книге и книжном деле (исключение — некоторая оговорка В. А. Фокеева, но она не повлияла на содержание его статьи [2]).

Другими словами, необходим выход на более высокий уровень обобщения. Суть наших рассуждений состоит в следующем. Библиотека есть один из институтов документально-коммуникационной системы. От некоторых

институтов этой системы библиотека отличается полностью (например, от делопроизводственных учреждений, издательств и т. п.), от других — менее заметно. Есть существенное сходство между библиотекой и книжным магазином: оба учреждения призваны распространять книгу¹. Но магазин не является накопителем книжных богатств, он их распределитель и не обладает сколько-нибудь постоянным фондом; в нем осуществляется лишь односторонний процесс «книга — покупатель», который становится собственником книги. В библиотеке наблюдается как прямой, так и обратный процессы «книга — читатель — книга», т. е. происходит передача книги от библиотеки к читателю и от читателя к библиотеке. (Такая же передача происходит и в архиве; в этом смысле нет принципиального отличия архива от библиотеки, разница лишь в объекте.) Отсюда вывод: библиотека есть институт книжного дела, призванный собирать книги и обеспечивать их временное использование читателями как в стенах библиотеки, так и вне их. Библиотечное дело есть частный случай книжного дела; оно обладает спецификой, вытекающей из задач библиотеки; это — книжное дело в рамках организации общественного пользования книгой по типу кругооборота книги. Библиотечный процесс есть специфика применения форм и методов книжного дела в условиях библиотеки. Библиотечное дело — понятие более широкое, чем библиотечный процесс. Оно выступает и как отрасль книжного дела, и как деятельность по обеспечению функционирования этой отрасли, что, собственно, и представляет собой библиотечный процесс.

Можем сделать вывод: теоретической, держательной базой библиотечного дела является наука о книге — книговедение, объект которого система «книга — читатель». Книга приходит в библиотеку из другой сферы — сферы книгораспространения (библиотечный коллектор, книжный магазин). Такая книга — пока еще непознанное и потому противостоящее библиотеке явление, она еще не стала объектом библиотечного процесса. Это противоречие снимается путем «библиотечивания» книги. Под этим термином мы понимаем процесс превращения книги в достояние библиотеки — библиотекаря и читателя. Такой процесс, в сущности, возможен тогда, когда библиотекарь обладает необходимыми книговедческими знаниями. Подчеркиваем: не только библиографическими, но более широкими книговедческими знаниями,

¹Здесь и далее книгу мы будем понимать в самом широком значении термина — как произведение печати и письменности.

без которых невозможна деятельность библиотеки. Речь идет прежде всего о вопросах комплектования, хранения, классификации, типизации книг, их пропаганде и т. п.

Таким образом, постановка проблемы «соотношение библиографического и библиотечного в библиотеке» не охватывает ряд важных вопросов библиотечной деятельности, suggests представление о ней. Одни лишь библиографические знания не могут дать библиотекарю необходимого ему комплекса специальных знаний о книге и книжном деле. В материалах дискуссии допущена подмена общего частным. Поэтому правильно было бы вместо «библиографического» говорить «книговедческое»². Мы глубоко убеждены, что в основе библиотечных процессов лежат книговедческие и в этом смысле они едины.

Поэтому всякая попытка их разделения, а тем более сравнительного измерения, логически несостоятельна.

Но тогда закономерно встает вопрос: что такое библиотечные процессы? Существуют ли они вообще? Или действительно прав В. И. Терешин, обвиняя своих противников по дискуссии в попытках ликвидации библиотеки как таковой [5]? Имеется ли в материалах дискуссии обоснованный ответ на эти вопросы? По нашему мнению — нет. Однако представляется, что ближе всех к истине подошел Ю. М. Тугов. Он высказывает мысль о том, что в организации массового чтения библиографические и библиотечные процессы соотносятся как содержание и форма; далее это положение конкретизируется: «с точки зрения содержания (сущности) индивидуальное руководство чтением предстает как библиографический процесс, с точки зрения формы — как составная часть библиотечной практики» [3, с. 38]. К сожалению, автор не развивает это положение и мысль повисла в воздухе. Да и сформулирована она нечетко, создается

²Как известно, существует два альтернативных определения книговедения. Первое. Книговедение — комплексная наука о книге и книжном деле. Второе. Книговедение — комплекс наук о книге и книжном деле. Мы придерживаемся второго. Библиография — научная дисциплина и область практической деятельности, входящая (как наука) в цикл книговедческих наук и (как сфера практической деятельности) в структуру отраслей книжного дела. Как дисциплина книговедческого цикла библиография сохраняет относительную самостоятельность и выступает, в частности, как специфическое средство библиотечной деятельности. Но как сама по себе, так и как компонент библиотечной деятельности она, естественно, не может заменить собой все отрасли книжного дела. Молчаливое утверждение обратного со стороны библиотекоедов есть не что иное, как проявление своеобразного «книговедческого нигилизма». В свою очередь он результат игнорирования научно обоснованной терминологии книжного дела.

впечатление, что сам автор рассматривает свою формулировку как метафорическую. И можно отчасти понять В. А. Фокеева, который, подойдя к ней формально, «в лоб», столь же лобовым образом объявляет ее принципиально неверной [2, с. 58]. И все же со всей определенностью заявляем: В. А. Фокеев, увлекшись формальным подходом, выплескивает вместе с водой и ребенка. Безусловно, в мысли Ю. М. Тугова есть рациональное зерно, значение которого сам автор, похоже, недооценил. Во всяком случае, впечатление именно такое.

Кратко изложим нашу позицию.

Библиотечный процесс носит комплексный характер. В основе его лежат два уровня: содержательный и организационно-технологический. Содержательный в существе своем книговедческий, ибо всякий процесс в сфере использования книги для организации массового чтения связан с наукой о книге. Организационно-технологический отражает специфику библиотечного дела как частного случая книжного дела, со всеми его целями и задачами, формами, приемами и методами работы.

Здесь необходимо сделать одно существенное замечание. Не следует представлять себе уровни библиотечного процесса с пространственными позициями. Это привело бы к упрощенному толкованию их соотношения только как некоего механического сочетания нижнего и верхнего уровней. На самом деле все обстоит сложнее: это взаимопроникающие и взаимодействующие структуры.

С этих позиций было бы неточным характеризовать библиотечный процесс как единство содержания и формы (в описанном выше смысле). Перед нами единство содержания и формы, первичного и вторичного, а точнее — общего и особенного, специфического.

И последний вывод, вытекающий из предшествующего изложения: все основные процессы, происходящие в библиотеке, это процессы библиотечные, несмотря на более широкую, документально-коммуникативную, книговедческую природу. И ничего другого быть не может, так как все эти процессы вытекают из целей и задач библиотеки, ее специфики как института организации общественного пользования книгой. Здесь нет никакого противоречия со всем тем, что было сказано выше. Это тот случай, когда форма, а не содержание определяет название явления, ибо она, форма, придает ему специфику, законченность, окраску.

В таком положении нет ничего уникального. Возьмем отдаленное, неадекватное по внешним признакам сравнение — сталелитейный завод (мы не боимся возможного обвине-

ния в вульгаризации: порукой этому служит уровень абстрагирования). Нет никакого сомнения, что там происходит процесс производства стали, т. е. сталелитейный процесс. Между тем в основе его лежат физико-химические процессы, более того, организационно-технологический цикл сопровождается параллельными контрольными и экспериментальными мероприятиями (лабораторными анализами, пробами и пр.). И все же в целом процесс, несомненно, сталелитейный. Но он — комплексный и включает также научные основы (физико-химические процессы, данные металловедения и т. п.) и организационно-технологические мероприятия.

Конечно, отдельные библиотечные процессы имеют свои особенности: иногда преобладают организационные, технологические, библиографические, а то и химико-биологические операции и др. Но в целом все основные процессы в библиотеке, повторяем, библиотечные. Поэтому неправомерно деление на специальности библиотечный-библиограф, библиотечный-технолог, библиотечный-методист и т. п. Это в лучшем случае функциональные специализации (да и то скорее условные). Еще в большей мере неправомерно обозначение специальности библиотечный-библиограф, что генетически связано с существовавшими ранее двумя отдельными факультетами — библиографического и библиотечного. С таким же успехом можно сказать библиотечный-книговед, библиотечный-информатор и др., тогда как профессия библиотечный-единица, и называть ее можно однозначно — библиотечный.

В свете высказанных нами положений встает вопрос и о библиотечной науке. В самом деле, этот вопрос приобретает неожиданную актуальность. Если содержательной основой библиотечных процессов является наука о книге, если понятие «библиотека» размыто (а это ведь не только логика В. И. Терешина), растворено в библиографической сфере, то невольно встает вопрос: существует ли библиотечное ведение — наука о библиотеке и библиотечном деле? Действительно, что это за наука, объект которой по меньшей мере сомнителен, наука, составленная из фрагментов и потому не имеющая внутренней целостности? Постановка этих вопросов имеет не только научное значение, но и определяет меру нравственной ответственности некоторых авторов, чьи позиции объективно приводят к отрицанию права на существование библиотечного ведение как самостоятельной науки. Ведь оно обросло огромным количеством литературы, служит основой ряда важнейших учебных дисциплин, по которым ежегодно обу-

чаются десятки тысяч студентов высших и средних специальных учебных заведений.

В ходе дискуссии этой проблемы в какой-то мере коснулся лишь В. И. Терешин, в основном в контексте постановки вопроса об обобщающих науках [5]. Рассмотрим его позиции. Прежде всего не ясно, что имеется в виду под обобщающей наукой: то ли та, которая выросла из старых наук, обобщив их данные, то ли та, что явилась основой выросших из нее наук? Как будто бы автор ведет речь о первом случае. Он упрекает в своеобразном максимализме Н. А. Слядневу (по его мнению, она рассматривает библиографоведение как обобщающую науку) и И. Е. Баренбаума (в том же грехе относительно книговедения). Упрек этот неоснователен, эти авторы так не говорили. А вообще подобная позиция не подтверждается ни историческим процессом формирования упомянутых наук, ни их современным состоянием. В частности, книговедение не является обобщающей наукой, а представляет собой комплекс наук о книге и книжном деле, в состав которого входит и библиотекосведение.

Неправомерна и постановка В. И. Терешиным вопроса о библиотекосведении как обобщающей науке, т. е. охватывающей и ассимилирующей книговедческо-библиографическо-информационные и другие процессы [5, с. 60]. Однако, справедливости ради, надо сказать, что В. И. Терешин ограничивается лишь такой постановкой вопроса и в дальнейшем изложении прямо отказывается библиотекосведению в статусе обобщающей науки по отношению к библиографоведению, книговедению, информатике, педагогике и т. п. Он считает, что библиотекосведение интегрирует в себе и в процессах библиотечной работы элементы этих наук и процессы соответствующих сфер деятельности. Перед нами, безусловно, правильный подход, по крайней мере по смыслу. Поэтому мы присоединяемся к нему, а также в основном к последующим рассуждениям автора по поводу подготовки библиотечарей высшей квалификации.

Итак, природа основных библиотечных процессов — книговедческая, однако в силу ряда специфических обстоятельств эти процессы приобрели известную самостоятельность и вместе с тем право называться библиотечными. Следовательно, полностью сохраняется право на существование таких теоретических понятий, как библиотека, библиотечное дело, библиотечный процесс и, естественно, библиотекосведение.

Такова наша позиция, связанная с центральным вопросом дискуссии на страницах сборника «Советское библиотекосведение».

Второе важное направление дискуссии — проблема высшего библиотечного образования. Это направление в значительной мере связано с результатами обсуждения по первому вопросу. Проблемы высшего библиотечного образования — один из наиболее распространенных сюжетов библиотечной прессы, по нему имеется чрезвычайно широкая палитра мнений. Коснемся его лишь кратко.

Прежде всего одно предварительное замечание. Специалисты довольно часто применяют обозначение высшее библиотечно-библиографическое образование. В соответствии с позициями, высказанными выше, полагаем, что более правильное обозначение — высшее библиотечное образование. Этой точки зрения придерживается и В. И. Терешин [5, с. 62]. Попытаемся более конкретно раскрыть нашу позицию.

Термин «библиотекарь-библиограф» не отличается элементарной четкостью, не выдерживает двухсторонней критики. С одной стороны, сочетание «библиотекарь-библиограф» по своему грамматическому смыслу сужает наши представления о профессии библиотекаря, низводя ее до уровня специализации. В самом деле, «библиотекарь-библиограф» — это библиотекарь, который занимается библиографической работой, или библиограф в библиотеке. С таким же успехом можно говорить о библиотекаре-информатике, библиотекаре-книговеде и т. п. С другой стороны, в термине «библиотекарь-библиограф» находим скрытую тавтологию: ведь библиографическая работа входит в обязанности библиотекаря, и если мы говорим «библиотекарь», то подразумеваем, что он занимается и библиографической работой, т. е. является и библиографом. Таким образом, термин «библиотекарь» достаточно емкий и, следовательно, достаточно емко и однозначно термин «высшее библиотечное образование».

Главная идея выступлений по проблеме высшего библиотечного образования в ходе рассматриваемой дискуссии — максимальное укрепление связи между библиотекосведением и библиографией, точнее интегрирование библиотекосведческих и библиографических курсов, создание комплексных дисциплин. Попытку теоретического обоснования последних предпринял К. И. Абрамов. «Комплексный характер специальности, — пишет он, — требует воспитания такого специалиста, который воспринимал бы свою будущую профессию как целостный процесс, где библиотечные формы и методы не разобщены, а представляют собой единый инструментальный приемов и методов обслуживания читателей с общей теоретической и технологической основой» [7, с. 33]. Это положение, безусловно, правиль-

ное и отражает обоснованную тревогу за подготовку кадров, что разделяют многие специалисты. Авторы дискуссионных статей видят корень зла в том, что на библиотечных факультетах изначально ведется раздельное, самостоятельное изучение библиотечных и библиографических дисциплин и что это воспитывает у будущих библиотечников понимание обособленности отдельных библиотечных процессов. Эти авторы находят выход именно в создании комплексных дисциплин «Библиографирование документов в библиотеке» и «Библиотечное обслуживание». Последний должен сосредоточить как общую, так и частную методику библиотечного, библиографического и информационного обслуживания читателей, вобрать в себя соответствующие разделы и темы курсов «Работа с читателями», «Организация и методика библиографической работы», а также отраслевых библиографических дисциплин. Позиция достаточно определенная.

Что можно сказать по этому поводу? Обратимся к сравнению с другими отраслями высшего образования, ведь и там стоят близкие проблемы. Можно ли и нужно ли объединять анатомию и физиологию в единый, интегрированный курс? С позиций наших оппонентов здесь не может быть никаких сомнений: анатомия и физиология тесно связаны и нельзя рассматривать их как обособленные процессы. Однако нетрудно представить себе положение того смельчака, который предложил бы медицинскому факультету подобный альянс анатомии с физиологией: в лучшем случае над ним бы дружно посмеялись.

Можно ли изучать биохимию, не зная ни химии, ни биологии, или, по крайней мере, химии? С позиций наших оппонентов — можно. Но так не бывает и быть не может. Прежде чем интегрировать учебные дисциплины и для того, чтобы их интегрировать, необходимы предварительные познания в области их основных составляющих. В сущности, в учебном процессе интегрируются не сами учебные дисциплины, а знания по этим дисциплинам. Ведь не случайно на протяжении веков в основе практически всякого образования, особенно высшего, лежит предметно-содержательная ориентация. Именно она является базой, на которой только и возможно формирование интегральных дисциплин. Нарушение этого принципа равнозначно началу строительства дома не с фундамента, а с крыши.

И все же при всем этом надо отдать должное опасениям, возникающим при рассмотрении дифференцированного подхода к учебному процессу. Действительно, в нужной ли степени такой подход способен формировать у студентов целостное восприятие своей бу-

дущей профессии? Вопрос достаточно серьезный и от него отмахиваться нельзя. Конечно, теоретически учебный процесс и лежащий в его основе учебный план — не конгломерат предметов и знаний, а целеустремленная система. Учебный процесс должен представлять собой единство дифференциации и интеграции в обучении; с системных позиций он должен быть интегрирующим процессом. Во всяком случае, он именно так и задуман. Но, как известно, между замыслом и жизнью зачастую немалая дистанция. Несомненно, подобная дистанция должна быть ликвидирована или, по крайней мере, сокращена.

Особенность и одновременно сложность поставленной задачи состоит в том, что ее решение в значительной мере лежит до сих пор на хрупких плечах самих студентов. Им как бы предлагается трансформировать в своем сознании огромную массу различных учебных дисциплин в нечто цельное, единое. В то время как их преподаватели и наставники вольно или невольно остаются в значительной мере в стороне. Разве можно такую ситуацию считать достаточно эффективным путем к овладению знаниями и навыками? Решающую роль в определении такого пути и в осуществлении связанных с ним мероприятий, естественно, призваны сыграть преподаватели.

Наше предложение кратко сводится к следующему. Устоявшийся в течение многих десятилетий принцип дифференциации обучения специальным дисциплинам необходимо сохранить, потому что, собственно, никакого другого педагогически обоснованного подхода нет. Для целостного восприятия студентами процесса библиотечного обслуживания весьма полезно на выпускном курсе создать повторительную или обобщающую, а точнее, повторительно-обобщающую дисциплину, скажем, «Библиотечное обслуживание». Это должен быть небольшой, примерно 24 часа, компактный курс, обеспечивающий высокий уровень обобщения на основе элементов уже прочитанных специальных дисциплин. Сейчас, как говорится, с ходу вряд ли можно представить себе схему и особенно конкретное наполнение такого курса, над решениями надо специально работать большому коллективу преподавателей. Однако уже сейчас ясно одно: речь идет не просто о повторении суммы изученных ранее материалов (это было бы нецелесообразно и неэффективно, и в этом опасность), а о новом качестве учебного процесса, в этом необычность и сложность предлагаемой дисциплины. В частности, в ней должны быть использованы достижения науки и практики, полученные в самое последнее время (после того, как были прочитаны основ-

ные курсы), приведены альтернативные позиции, дан их критический разбор и т. п. Другими словами, предлагаемый курс предназначен для уже подготовленных слушателей.

Необходимо отметить, что наше предложение не является принципиально новым. В истории советского высшего образования можно обнаружить примеры подобных повторительно-обобщающих курсов, издавались даже специальные пособия. Так, в начале 1920-х гг. Государственное издательство РСФСР выпускало серию руководств под характерным названием «Повторительные курсы для высшей школы». Пособия этой серии призваны были давать студентам в строго научной форме за-

ключительный обзор учебного материала по каждому предмету [8].

Некоторым, хотя и достаточно отдаленным подобием повторительно-обобщающей дисциплины может служить вводимый ныне в Московском государственном институте культуры спецкурс «Библиотечная технология». Его цель — сформировать у будущих библиотекарей цельное мышление в области своей профессии. Опыт преподавания этой дисциплины, надеемся, послужит разработке предлагаемого нами курса «Библиотечное обслуживание». Создание такого курса — трудная, но давно назревшая задача высшего библиотечного образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сляднева Н. А. Библиография как сущность и основа библиотечных процессов // Сов. библиотековедение.— 1988.— № 5.— С. 27—30.

2. Фокеев В. А. Библиографические знания в библиотеке // Сов. библиотековедение.— 1989.— № 1.— С. 58—62.

3. Тугов Ю. М. Библиографическая организация массового чтения: новый подход // Сов. библиотековедение.— 1988.— № 4.— С. 33—40.

4. Дворкина М. Я. Библиографические процессы — составная часть библиотечных // Сов. библиотековедение.— 1988.— № 4.— С. 44—45.

5. Тершин В. И. Полидисциплинарная сущность библиотечных процессов // Сов. библиотековедение.— 1989.— № 3.— С. 59—62.

6. Вохрышева М. Г. Взаимопроникновение средств библиотечной и библиографической деятельности // Сов. библиотековедение.— 1988.— № 4.— С. 41—44.

7. Абрамов К. И. Нужна радикальная перестройка учебного курса // Сов. библиотековедение.— 1988.— № 5.— С. 32—33.

8. Каган В. Ф. Госиздат и научные издания // Государственное издательство за пять лет.— М.: Госиздат.— 1924.— С. 99—112.